

ласти истории немецкого языка, переведенные на немецкий язык, заложили основы глубоко научной концепции развития единого национального языка в связи с развитием нации. Плодотворные идеи М. М. Гухман неизменно привлекали к себе внимание исследователей немецкого языка и стимулировали в значительной степени появление целой серии работ в нашей стране и за рубежом, посвященных проблемам формирования немецкого литературного языка. Историко-лингвистические труды М. М. Гухман способствовали тем самым сохранению исторической проблематики в период, когда усилия значительной части лингвистов были направлены преимущественно на изучение современных языков.

Не только в советской, но и в зарубежной германистике исследования М. М. Гухман остаются в ряду весьма актуальных, во многом новаторских работ, стимулирующих дальнейшее исследование. Так, в книге Ф. Хартвега и К. П. Вегера «Ранне-нововерхненемецкий язык» (*Hartweg F., Wegera K. P. Frühneuhochdeutsch. Eine Einführung in die deutsche Sprache des Spätmittelalters und der frühen Neuzeit. Tübingen, 1989*) ее авторы называют работы М. М. Гухман 50—60-х годов в числе некоторых других исследований, определивших и определяющих дальнейшее направление историко-лингвистических штудий («*richtungsweisende Untersuchungen*»).

Выдающиеся заслуги М. М. Гухман в области изучения немецкого языка, его истории и теории дважды были отмечены присуждением ей Международных премий: премии им. братьев Гримм (ГДР, 1982 г.) и премии им. К. Дудена (ФРГ, 1984 г.). Эти премии являются высшими наградами, которые присуждаются германистам за выдающиеся успехи в изучении немецкого языка. М. М. Гухман стала первым из числа советских германистов лауреатом этих премий, что явилось актом международного признания ее высоких научных достижений, а также авторитета советской германистики.

Ниже публикуется текст доклада М. М. Гухман (переведенный нами и оформленный по правилам, принятым в ВЯ), прочитанного ею на церемонии вручения премии им. К. Дудена в г. Маннгейме (ФРГ) в 1984 г. Тематика доклада, его структура и выбор языкового материала в значительной степени определяются обстоятельствами торжественной церемонии награждения, которая проходила в присутствии германистов и общественности города Маннгейма (*Guchtmann M. M. Literatursprache und Kultur // Duden Beiträge. 1984. Hf. 47. Mannheim, 1984.*).

Бабенко Н. С.

© 1991 г.

ГУХМАН М. М.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

1

Становление и развитие человеческого общества теснейшим образом связано с формированием и эволюцией такого универсального средства коммуникации, каким является язык.

Созданный человеком, язык является частью его истории, он изменяется и эволюционирует по мере развития материальной и духовной жизни человека. Тем самым в его судьбе отражаются все достижения и потери, весь положительный опыт и ошибки человеческого бытия.

Поскольку язык не представляет собой однородного образования, а, напротив, является функционально дифференцированной и многослойной системой форм существования (диалект, полудиалект, местные разновидности разговорного языка и — ведущая форма существования языка — литературный, или письменный язык), то и сами эти формы находятся в разных отношениях с той или иной культурной ситуацией.

В своей культурной деятельности в широком смысле этого слова, включающей науку, искусство, литературу, образование, различные общественные институты и т. д., человек пользуется главным образом обработанной формой языка, а не территориальным диалектом или полу-

диалектом. Проникновение последних в какую-либо сферу культуры является в большинстве случаев процессом вторичным, поскольку их использование функционально ограничено и стилистически маркировано. Напротив, социально и культурно более высокая форма существования языка стабилизирует свою ведущую роль. Важно также отметить, что культурные стимулы оказывают влияние в первую очередь на обработанную форму языка, которая затем воздействует и на другие формы существования языка. Поэтому при обращении к проблеме соотношения культуры и языка необходимо исследовать прежде всего процессы, которые происходят в обработанном языке, используемом в высших сферах коммуникации.

Сравнительный анализ функциональных систем различных языков Европы, Азии, Африки [1, 2] позволяет утверждать, что функциональное расслоение языка является историко-типологической категорией, которая характеризует бытие языка и проявляется в разнообразных формах реализации.

Наряду с диалектом как первичной формой устного общения, которая отличается спонтанностью и монофункциональностью, развивается новая наддиалектная обработанная форма языка, в результате чего возникает функциональное расслоение языка, которое может быть представлено в виде функциональной парадигмы. Первоначально диалект выступал в пределах того или иного социума не только важнейшим, но и единственным средством коммуникации. Слабая дифференцированность коммуникативных сфер препятствовала возникновению каких-либо наддиалектных форм. «В начале развития, — пишет В. Беш [3, с. 968], — можно исходить из его (диалекта — Г. М.) монофункциональности, которая может быть истолкована в двух смыслах: диалект как единственная форма существования языка в системе того или иного человеческого сообщества и, кроме того, как образование без отчетливо очерченных функциональных признаков внутри самого диалекта... Развитие наддиалектных форм языка сопровождается, как правило, процессом дифференциации...». Этот процесс дифференциации возникает под действием экстралингвистических факторов [1, с. 15].

Первичная функциональная стратификация языка проявляется тем самым в виде бинарной оппозиции «диалект — наддиалектная форма существования языка». Вместе с тем можно предполагать, что уже в самом диалекте формируются дифференциальные признаки обработанного языка, которые и ведут к обособлению от обиходно-разговорного языка. В этом процессе следует различать две линии: во-первых, возникновение наддиалектных форм языка как результат процессов выравнивания и, во-вторых, обособление наддиалектной системы на функционально-стилистическом уровне, которое сопровождается формированием определенных слов лексики, фразеологии, синтаксических структур, свойственных только языку более высоких сфер коммуникации [1, с. 15].

Двучленная система оппозиции форм существования языка является по сути первоначальной формой и образует также ядро любого функционального членения; формирование этой оппозиции протекает в истории отдельных языков по-разному. В определенных условиях происходит дальнейшее членение системы, возникают различные виды переходных форм (полудиалект, разговорно-обиходный язык), нередко регионально маркированные. Развитие письменности ведет к появлению новой оппозиции, охватывающей письменную и устную формы языка, что еще больше усложняет структуру функциональной парадигмы.

С течением времени меняется статус отдельных форм существования языка (особенно отчетливо это можно наблюдать на судьбе диалекта) и их соотношение. Строгость их разграничения, отчетливость членения в рамках функциональной системы не остаются стабильными, они варьируют, и не только в разных языках, но и в истории одного и того же языка. Формирование этой системы представляет собой многослойный процесс, изучение и описание которого затрудняется нестабильностью и разнородностью используемой терминологии.

2

В центре нашего внимания в данном случае находится проблема наддиалектных обработанных языковых образований, которые используются в высших сферах коммуникации и теснейшим образом связаны с историей культуры.

Существуют две возможности моделирования развития и качественных изменений в статусе этих форм существования языка и их соотношения с другими компонентами функциональной системы. Это зависит от того, рассматривается ли история функциональной системы языка и его высшего страта как смена замкнутых образований, причем при описании каждой стадии развития отдается предпочтение профилирующим признакам, или на передний план выдвигаются, несмотря на качественные различия, функциональное единство, внутренняя взаимосвязь отдельных этапов развития, роль традиции. С этим связаны также и терминологические расхождения.

Первая модель разрабатывается в одной из последних публикаций В. Беша. Четко и определенно он делит историю формирования наддиалектной формы в немецком языке на три этапа, причем каждый этап образует закрытую систему и получает свое собственное обозначение; предлагается такая последовательность: письменный диалект (Schreib- oder Schriftdialekt) — письменный язык (Schriftsprache) — стандартизованный язык (Standardsprache). Все наиболее существенные черты немецкой письменности от VIII до XV вв. покрываются понятием «письменный диалект», дифференциальным признаком которого выступает зависимость от той или иной территории. «Письменный диалект как термин сигнализирует, таким образом, о значительной территориальной замкнутости всей немецкоязычной письменности в средние века» [3, с. 969]. Принципиальное отличие письменного языка (вторая стадия развития, XVI—XVIII вв.) заключается в том, что письменный язык предполагает как необходимое условие выбор нормы, которая стоит над любым отдельно взятым диалектом [3, с. 977]. Существование общезыковой нормы служит важным дифференциальным признаком письменного языка. Заключительное нормирование (третья стадия, начиная с XIX в.) происходит параллельно с переносом функций на сферу устного общения, благодаря чему письменный язык приобретает поливалентность. «Поливалентность выступает критерием стандартизованного языка в отличие от письменного языка» [3, с. 978].

3

Вторая модель соотносится со сферой теории литературного языка. Понятие «литературный язык» используется здесь в своем глобальном смысле как обозначение любой разновидности обработанного языка, который противопоставляется спонтанным формам существования обиходно-раз-

говорной речи. Термин «литературный язык» не следует понимать как «язык (художественной) литературы», точно так же понятие «письменного языка» не равноценно понятию «язык письменности». В обоих случаях сложносоставный термин имеет особое значение с элементом идиоматичности (иную точку зрения см. [4]). Тем самым литературный язык не является членом терминологического ряда: «художественный язык — язык поэзии — литературный стиль». Он скорее выступает компонентом системы форм существования языка.

В плане вертикального членения немецкого языка, т. е. на уровне его функциональной парадигмы, литературный язык всегда занимает верхнюю позицию. Потенциально он может использоваться во всех сферах общественной жизни: в государственном управлении, в юриспруденции, в церкви и школе, в художественной литературе и в официальных выступлениях, наконец, в повседневном общении. Немецкий литературный язык завоевывает эти коммуникативные сферы лишь в процессе длительного развития, которое сопровождалось борьбой против господства латыни.

Релевантными признаками любого литературного языка являются: 1) обработанность и связанная с ней селекция; 2) обособление от диалекта («наддиалектность»), что может выражаться в разных формах (структурное и функционально-стилистическое обособление); 3) полифункциональность и функционально-стилистическое варьирование.

Хотя эти признаки являются типичными для литературного языка и образуют определенную систему, формы реализации отдельных признаков и их соотношение существенно различаются в отдельные периоды истории немецкого литературного языка. Это касается степени и характера обработанности, уровня обособления от диалекта, объема полифункциональности, типа регламентации. Все же стабильной остается сама оппозиция по отношению к разновидностям спонтанной обиходно-разговорной речи. Полную реализацию эта система признаков получает лишь в XIX—XX вв.

Начальные этапы этих процессов относятся ко времени создания первых прозаических и поэтических памятников на немецком языке. В языке таких текстов, как Исидор, Отфрид, Песнь о Хильдебранде, Хелианд, Вессебрунская молитва, Муспилли, Спаситель, обнаруживаются признаки функционально-стилистического и структурного обособления от диалектных форм обиходно-разговорного языка [5; 6, с. 44, 46—48, 50, 67]. «Древневерхненемецкий „Исидор“, — пишет Р. Шютцайхель, — представляет собой выдающийся памятник литературы, язык которого стоит над местными диалектами, при этом надрегиональные тенденции в этом памятнике проявляются сильнее в фонологии, формообразовании и орфографии...» [7, с. 121]. Во всех этих памятниках обнаруживаются определенные признаки обработанного языка: на уровне лексики и фразеологии, которые чужды узусу разговорного языка (эпическая, религиозно-философская лексика), на уровне синтаксических комплексов, которые свойственны только более высоким коммуникативным сферам [8—11]. Начальные стадии процессов выравнивания и смешения различных диалектных признаков являются свидетельством действия тенденции к обособлению от диалекта. Наконец, тематика и содержание этих текстов указывают на преодоление монофункциональности, одного из релевантных признаков диалекта. Тем самым уже для этого периода оказывается возможным реконструировать двучленную систему форм существования языка.

Обособление от диалекта не исчерпывает, однако, региональную ва-

рнативность литературного языка — особенно в донациональный период. Вследствие постепенно усиливающихся процессов выравнивания и взаимодействия между различными локальными письменными традициями территориальная дифференциация литературного языка не совпадает с диалектными изоглоссами. Расхождения между диалектными изоглоссами и теми изоглоссами, которые характеризуют региональную вариативность языка текстов, следует считать результатом обособления от диалекта [12—14].

Для функционирования региональных вариантов немецкого литературного языка типичным является включение инодиалектных явлений, которые первоначально принадлежали другим диалектным ареалам. Их использование еще больше усиливает наддиалектный характер литературного языка.

Необходимо также отметить, что в период с VIII по XVI вв., когда в немецком литературном языке еще не существовало сознательного стремления к норме, статус и специфику литературного языка определяли не структурные, а скорее функционально-стилистические признаки, которые играли доминирующую роль в обособлении от необработанных форм языка.

Несмотря на изменения в характере отдельных признаков и в их соотношении (см. выше), совокупность признаков литературного языка остается в целом стабильной. Именно это обстоятельство гарантирует единство в развитии обработанных наддиалектных форм существования языка. Единство присуще историческому развитию немецкого литературного языка, который на протяжении нескольких столетий (с VIII по XX вв.) неизменно занимает высшую страту в функциональной парадигме.

Вторая модель, которая ориентирована на изучение единства и многообразия в развитии функциональной системы и особенно обработанных форм существования языка, отражает диалектику и специфику реальных процессов в функциональной истории немецкого языка. В этом заключается известное преимущество данной модели.

4

Формирование, развитие и функционирование немецкого литературного языка является важной составной частью общего исторического и культурно-исторического процесса. Поскольку для литературного языка характерно накопление языковых и культурных ценностей, то и история немецкого литературного языка органичным образом входит в историю культуры. Такие вехи немецкой истории, как христианизация, создание письменности, изобретение книгопечатания, введение школьного образования и основание университетов, не могли не отразиться на истории немецкого литературного языка. Важными являются также религиозные и политические выступления масс, которые делали своим оружием, а также философские течения, которые давали импульсы для развития культуры и литературного языка. Немецкая схоластика, ереси и мистика, гуманизм, идеологические разногласия в эпоху Реформации и Крестьянской войны, философия Ренессанса — все это звенья в цепи идеологических процессов, которые характеризуют культурную жизнь Европы в XIII—XVI вв. Это та питательная среда, с которой непосредственно связана судьба немецкого литературного языка.

В истории немецкой культуры выделяемы периоды, в которые особенно определенно происходит смена одного ведущего идеологического на-

правления другим и проблемы языка становятся доминирующими в духовной жизни эпохи. К таким периодам можно было бы отнести немецкий гуманизм с конца XV в. до начала XVI в. и Реформацию. Что касается эпохи Реформации, то юбилей М. Лютера (1983 г.) вновь привлёк внимание исследователей к фигуре реформатора и к его языку. Иначе складывается ситуация с изучением литературного языка немецких гуманистов, деятельность которых приходится на канун Реформации.

Вместе с тем это была эпоха, которая не просто предшествовала мощному движению народных масс в период Реформации и Крестьянской войны, но и этапом, когда немецкий язык *de facto* впервые стал объектом сознательного изучения и описания, когда развитие языка стало определяться целенаправленной «языковой политикой». В сложном взаимодействии различных тенденций постепенно кристаллизовались функционально-стилистические черты, которые в дальнейшем должны были определять особенности истории немецкого литературного языка.

Сильнейшим стимулом для развития литературного языка стало такое значительное событие в истории немецкой культуры, как изобретение книгопечатания Иоганном Гутенбергом. В первые десятилетия после этого изобретения печатники относились весьма сдержанно к изданию новых книг на немецком языке; преимущественно печатались латинские тексты, которые уже зарекомендовали себя в рукописной форме и были хорошо известны читателям. Поэтому по-настоящему фактом истории немецкой культуры и немецкого языка печатная книга стала лишь в последней четверти XV в.

Начиная с 70-х годов число книг на немецком языке неизменно растёт. Они расходятся по всей стране, попадают в руки представителей разных общественных слоев. В 1498 г. С. Брант, прославляя книгопечатание, писал, что книга, ранее доступная только богачу и титулованным лицам (имеются в виду рукописные книги), ныне встречается везде, даже в хижине. Этому созвучно высказывание известного гуманиста Целтыса, отмечавшего (в 1499 г.), что отныне немецкую библию можно встретить и на постоялом дворе [15, с. 298]. Даже если предположить в этих высказываниях некоторое преувеличение, несомненно и то, что в связи с книгопечатанием неизмеримо расширился круг читателей. Перед авторами, издателями, корректорами вставали новые задачи, определявшиеся потребностями и интересами разных читательских кругов, а тем самым более гетерогенной становилась социальная база немецкого литературного языка.

О популярности книги на немецком языке свидетельствуют, помимо прочих фактов, рекламные объявления, которые вывешивались книгоиздателями на многолюдных площадях. Сохранилась, например, реклама аугсбургского издателя А. Зорга от 1483 г., в которой перечисляются 32 названия немецких книг, среди них: «*der Heiligen leben*», «*das leben der heyligen alltväter*», «*buch d'göetlichē weißheit*», «*ewangeli vnnd epistel*», а также светские книги: «*wie die stat Troya erstört ward*», «*Das Buch von Alexander dem Großen*», «*Von Grisela*», «*Melusine*», «*Die Reisen Johann Montavills*», «*Von den sieben Weisen*». В последние десятилетия XV в. начинают издаваться произведения современных авторов: в 1472 г. появляется «Книжечка о браке» фон Эйба, напечатанная известным нюрнбергским издателем А. Кобергером и выдержавшая несколько переизданий; в 1478 г. у К. Финера в Еслингене появилось собрание переводов под названием «*Translationen*», принадлежавшее известному гуманисту Н. фон Виле. В 1494 г. в Базеле в издательстве Б. фон Ольпе впервые

была напечатана сатира С. Бранта «Корабль глупцов»; в том же году издания этой книги появились в Юриберге, Аугсбурге, Рейтлингене; в последующие годы издания неоднократно возобновлялись.

Книги различного содержания, которые отвечали интересам и потребностям различных кругов читателей, становятся одним из важнейших культурных факторов в развитии литературного языка.

Развитие немецкой культуры неразрывно связано в рассматриваемый период с гуманизмом, идеологией в значительной степени элитарной, поскольку ее носителями был ограниченный круг образованных, владевших широким диапазоном знаний современной им эпохи людей. Эта волна нового миропонимания сложилась не только под влиянием итальянского гуманизма, но и общего развития европейской культуры.

Великие географические открытия, связанные с именами Колумба, Васко де Гама, Америго Веспуччи, чрезвычайно расширили интеллектуальные горизонты людей того времени. Секуляризация университетов, развитие естественных наук, астрономии и математики, появление первых научных ежегодников, наконец, развитие книгопечатания вели к расшатыванию основ застывшей догматической системы, освященной авторитетом церкви.

Источник обновления современного общества находили в культуре античного мира; у древних писателей, поэтов и философов открывали пути совершенствования человеческой личности. Гуманисты Италии выступали в роли учителей и просветителей. Непревзойденным образцом считался стиль латинской прозы в творениях Петрарки, Боккаччо, Поджо.

Однако немецкий гуманизм был идейным течением значительно более многоплановым, чем его итальянский образец. Эта многоплановость была обусловлена различиями в соотношении таких компонентов, как идеализация античности, с одной стороны, и сопротивление римской церкви, — с другой. Для большинства гуманистов первостепенное значение имела филологическая практика — переводы, издание текстов, комментарии; антиклерикальные мотивы отступали на задний план или вовсе отсутствовали.

Кроме того, по-разному оценивались роль и значение родного языка. Общее развитие филологической культуры, которая занимала в деятельности гуманистов заметное место, пробуждало интерес к проблемам родного языка; впервые немецкий язык становится объектом пристального внимания и размышлений. С этими устремлениями была связана и практика многочисленных переводчиков, к числу которых принадлежали такие известные гуманисты, как Иоганн Рейхлин, Никлас фон Виле, Альбрехт фон Эйб, Генрих Штейнхевель, Авентин. В связи с этим следует также упомянуть о появлении многочисленных тематических и общих словарей — латинско-немецких и немецко-латинских, например, «*Vocabularius theutonicus in quo volgares dictiones ordine alphabetico preponuntur*» (1482) и «*Vocabularius incipiens teutonicum ante latinum*» (1500). Чрезвычайно популярными стали такие издания на немецком языке «*Spiegel der varen Rhetoric*» (1493), «*Formulare vnd Tutsch rethorica*» (1483).

Все эти факты свидетельствуют о живом интересе широких кругов к печатному слову. «Весь народ хочет теперь читать и писать», — напечатано в опубликованном в 1498 г. в Майнце «Путеводителе для души».

Среди гуманистов не существовало единого мнения по вопросу о выразительных возможностях родного языка. Слишком велик был авторитет латинского и греческого языков. Весьма показательными для опреде-

ленных кругов гуманистов являются слова Н. фон Виле, одного из наиболее известных гуманистов того времени, который говорил о бедности выразительных средств немецкого языка, ограниченности его стилистических возможностей, отсутствии в нем прочных норм, «изящества и правил». Тем самым фон Виле повторял, сам того не осознавая, мнение, высказанное еще Отфридом. При этом Н. фон Виле был одним из самых крупных авторов своего времени. Язык его переводов считался образцом высокого прозаического стиля. Руководства по немецкой риторике заимствовали примеры из его переводов. Сам Н. фон Виле дал точную характеристику принципов и методов перевода: по его мнению, следует переводить «слово за словом» (*wort uss wort*), не принимая во внимание структурные особенности немецкого языка. Благодаря этому фон Виле стал наиболее ярким представителем латинизированной немецкой прозы XV в.

Существовала и другая точка зрения на выразительные возможности немецкого языка и принципы перевода. Рейхлин, Эйб, Штейнхевель, а позднее и Авентин стремились усовершенствовать язык немецкой прозы, но не только путем подчинения немецкого языка чуждым ему законам латыни, а, напротив, на основе обработки и дальнейшего развития самой немецкой традиции, которая сформировалась в немецком языке повествовательной литературы. В отличие от фон Виле, Г. Штейнхевель считал, что переводить следует *nit wort uss wort sunder sinn uss sinn* «не слово в слово, а смысл за смыслом», не нарушая природы немецкого языка.

Второе направление отражало более прогрессивные взгляды на возможности немецкого литературного языка и на принципы переводческой деятельности. Именно в эти десятилетия пробуждение национального самосознания начинает играть все большую роль в связи с борьбой против власти курии и римского засилья. С середины XV в. понятие «*teutsche Nation*» приобретает значение, близкое к современному. Уже Мейстерлин употребляет этот термин как обозначение всего немецкого народа, независимо от деления на феодальные территории. Особенно ярко проявляется национальное сознание в антипапистских листовках Гуттена: в них он обращается к *teutsch nation, vaterland*, призывая бороться против иноземного засилья.

5

Дальнейшее распространение просвещения, достижений не только античной, но и современной европейской культуры явилось важным аспектом общественной практики немецкого гуманизма. Незнание греческого и латинского языков было тем барьером, который препятствовал усвоению этих знаний широкими кругами мирян. Новое понимание человеческого бытия, новые идеи, закодированные в формах чужого языка, оставались неизвестными для широких масс, не владевших этими языками. Поэтому переводческая практика приобретает накануне Реформации особое значение. Переводы с латинского и греческого занимают в литературе этого времени ведущую позицию. Существенное значение для истории литературного языка и путей его развития имел также отбор произведений и видов текстов, которые переводились на немецкий язык, что повлияло на стилистическую систему литературного языка и тенденции его дальнейшего совершенствования.

В отличие от переводной литературы предыдущих столетий, когда преобладали переводы религиозного, религиозно-философского и дидактического содержания, внимание гуманистов было направлено преимущественно на светскую тематику. Переводили художественную литературу —

новеллы Боккаччо и Петрарки, комедии Плавта и Теренция, романы «О великом Александре», «Об Аполлонии», «Прекрасная Магелона», басни Эзопа, латинских и греческих ораторов — Демосфена, Цицерона. Особенно популярны были произведения итальянских гуманистов на латинском языке. Почти одновременно стали появляться в переводах разных авторов одни и те же новеллы, романы, трактаты. Этот факт следует расценивать как совпадение интенций различных авторов, но в то же время это свидетельство известной шаблонности эстетического вкуса. Литература этого типа была рассчитана на использование в определенных кругах. Ее читали в княжеских дворах, в домах патрициев и богатых торговцев, частично в университетах и в кругах тогдашней интеллигенции. Существовали и исключения: роман об Александре — разновидность приключенческого романа на античной основе, эзоповские басни в переводе Г. Штейнхевеля, «Книжечка о браке», фон Эйба и некоторые другие произведения могли преодолевать социальные барьеры. Но действительно массовым характером обладала, как и в предыдущие годы, религиозная и религиозно-дидактическая литература разных жанров: перикопы, пленарии, жития святых и христианские легенды. Их читали не только в купеческих семьях, но и в семьях ремесленников, низшего клеруса и в женских монастырях. Такая литература отличалась не только особой тематикой, но и своей собственной языковой традицией, особой стилистической системой, которая не совпадала с языком гуманистов. Однако в составе формирующейся новой системы стилей немецкого литературного языка она занимает лишь периферийное положение. В определенных социальных кругах данная традиция воспринималась как отражение языковой культуры низших слоев общества.

6

На основе анализа языкового материала, отражающего различные литературные жанры, можно выделить с некоторыми оговорками две самостоятельные, противопоставленные друг другу стилистические системы: а) высокий стиль книжного языка (ср. прозу гуманистов и их последователей) и б) средний нейтральный стиль повествовательной и религиозно-дидактической литературы. Сниженный стиль, который представлен, например, в «Тиле Уленшпигеле», здесь во внимание не принимается.

Наиболее определенно маркированы признаки высокого стиля. Он характеризовался: 1) лексикой, для которой характерны не только множество заимствований, но и неологизмы; 2) особыми формами организации синтаксических комплексов; 3) совокупностью риторических приемов: типами эпитетов, метафор, использованием синонимов, членением текста, структурой абзаца. Наиболее типичным и ярким представителем этой стилистической системы был Н. фон Виле. Прежде всего выделяется значительная группа латинизмов, таких, как *rumor*, *memory*, *translatz*, *oratz*, *oration*, *declinatz*, *constant*, *opinion*, *disputantz* и др. Синтаксис также значительно латинизирован: порядок слов, многозвенные синтаксические конструкции, скопление причастных групп, использование *Dativus absolutus*, *Accusativus cum infinitivo*. Нередко это приводило к тому, что тексты становились непонятными для людей, не знавших латынь. Этим объяснялась недостаточная популярность переводов фон Виле даже среди тех читателей, для которых они были предназначены.

Характерной для языка фон Виле была совокупность риторических средств, типичных для высокого стиля. Как известно, синонимические

словосочетания, парные и трехчленные, относятся к наиболее маркированным приемам латинизированной прозы. В языке фон Виле они встречаются особенно часто: *siech und kranke; kuntpar und offen; schnell und behend; achten und schetzen; kestigen und peinigen; lustig und kurtzwilig; instituieren, leren und underwysen; fürdern, raten und helfen; gut, gerecht und wolgeziert latin* и т. д. Согласно риторическим канонам, компоненты таких рядов должны были способствовать развитию мысли, усиление содержащихся в них образов. Фон Эйб писал по этому поводу: «*oratz, red oder schrifte*» всегда должны «*wachsen und niemer abnehmen*». Это указание, однако, отнюдь не всегда реализовалось, и нередко второй или третий синоним не давал ничего нового, как это часто встречается у фон Виле. Против злоупотребления абсолютными синонимами возражал уже Ридерер, автор немецкой риторики. С использованием синонимических рядов соотнесен параллелизм синтаксических построений, например: *du waist das dieser siechtum nicht den allerheiligsten david, nicht den aller wyseten salmon noch den allersterksten, samson hat lassen stehen hinkommen.*

В рамках высокого стиля существовал также другой, смягченный вариант немецкой прозы. Наиболее ярким образцом этого варианта являются некоторые прозаические тексты фон Эйба, который широко использовал такие риторические средства, как синонимы, синтаксический параллелизм, скопление слов, однако избегал любого подражания латинскому синтаксису. Примером может служить отрывок из книги «Книжечка о браке»: *Nun haben wir vernommen, was sorg und emsigkeit, was angst vnd not, was forcht und erschrecken, was trawrigkeit vnnnd schmerzen den menschen — sie sein reich oder arm, herr oder knecht, eelich oder keüsch, frum oder pose — zerfallen mag... O mensch! gedenck, wo sein hinkumen, die in hohen würden vnd eren gelebt und gerüste pferd, vil reichtumb, vil kleinat vnd gezierte gehabt haben? Wo sein hinkumen manich dein gutt freünd, tröster und gónner? Wo die frólichkeit mit hübschen frawen, mit essen vnd mit trinken? wo ist hinkumen Julius der keiser? Wo Pompeius? Wo Cato? ... sie sein alle hingeweet, als die pletter des pawmes von eim schnellen vindt, vnd ist der pawm plos bliben. ... Sie sein gewesen ein schat vnd sein vergangen, ein rauche vnd sein zertriben, plattern des wassers vnd sein zerprochen, spinnenwebe vnd sein zerrissen vnd sein gewest fleysch vnd der geyst ist in ine nit bliben: wann ein yetzlich fleysch ist als ein heü, vnd die ere des menschen als ein plume der heües.*

При несколько упрощенном толковании в этом тексте все же можно обнаружить своеобразное соединение характерной для гуманистической прозы риторики с синтаксическими закономерностями, которые типичны для иной стилистической модели, представленной в традиции среднего и сниженного стиля. Для творческой позиции фон Эйба такого рода комбинация не была чем-то случайным. Для него чуждым был не только стиль фон Виле, он часто обращался как, впрочем, и Г. Штейнхевель, к таким стилистическим средствам, которые широко использовались за рамками гуманистической прозы. В этом отношении интересным представляется язык повествовательных текстов, которые включены в «Книжечку о браке»: *Do was in derselben stat ein edele iunckfraw, Marina genannt, hübsch vnd wolgestalt, die Aronus zu einem eeweyb begert zu haben vnd offenbaret also sein willen den eltern vnd freüden der iunckfrawen. derselben willen erlangt er vnd ward im die iunckfraw Marina geben zu der ee, vnd die hochzeit mit großen freuden, frolocken vnd geziere gemacht vnd volbracht. Als nun Aronus ein iare bei Marina, seiner haußfrawen, in frólichkeit und wol-lust was gewest, ward ime verdrisßen in müssigkeit doheimen.*

Здесь отсутствует набор тех стилистических приемов, которые характе-

ризовали первый отрывок прозы фон Эйба как одну из разновидностей высокого стиля. Разные стилистические приемы оказались соотносенными с жанровыми различиями текстов.

Довольно бедный, простой, лишенный выразительности язык новелл совершенно отчетливо примыкает к традиции повествовательных жанров, которые отражали не очень изящную и изысканную культуру немецкой городской письменности и предназначались для читателей из других, чем перечисленные выше, слоев городского населения. Показателен в этом отношении стиль языка «Золотой легенды», изданный Кобергером в 1488 г. В качестве образца приводится отрывок из жития святой Клары: *In der Stat Assis da saß ein reycher edler ritter, d'hett ein selige edle frawen, dy hieß Terculana, dy ward schwanger des Kindes sant Claren. Vñ da sy dz kind schier geberē solt, da giëg sy in ein kirchen für ein crucifix vñnd bat gott mit ernst das er ir gānediclichen von irr geburt hulff. Da sprach einstimm zu ir. fraw du solt ein heilsames liecht geben, das wird dye wêlt erluchten, da ward dy fraw gar fro. vñnd da das kind geboren ward, da hieß sie es Clara heysen... Da das kind gewuchs, da lebt es in vil tugenden. Vñd gab vil durch got vñd brach sich selber ab vñd betet gern vñd trug cleyder an, die warē auswēdig wol geziret vñ trug zu nechst an dem leyb ein herin hemd.*

Текст содержит нейтральную лексику и синтаксически чрезвычайно прост — без многозвенных конструкций и латинских оборотов, преобладает паратаксис. Используемые синтаксические комплексы прозрачны и по объему невелики, при этом порядок слов следует правилам немецкого языка. В тексте отсутствуют элементы «цветистой речи» (*geblümte Rede*), нет в нем и тех риторических средств, которые характерны для высокого стиля прозы фон Виле и языка текстов Эйба. Тем самым представляется возможным говорить об особой стилистической модели, для которой типично отсутствие черт высокого стиля — рафинированности, изысканности, цветистости, характерных для языка гуманистов.

Обе стилистические модели литературного языка формировались на фоне ведущих течений немецкой культуры последней трети XV в. В известной степени они были социально маркированы: это проявлялось в их ориентации на различные круги читателей. Стилистические разновидности не представляют собой все же закрытые системы, так как они функционируют в рамках одного и того же языка. Отдельные стилистические средства, которые находились в контрасте с общей стилистической окраской произведения, включались авторами в текст как символы определенных семантических интенций.

Кратко очерченная стилистическая схема определяла во многом стилистическое членение немецкого литературного языка эпохи Реформации и Крестьянской войны. Именно здесь следует искать источники той сложной языковой ситуации, в которой затем решающую роль сыграла деятельность М. Лютера. Именно в XV в. прослеживаются первые проявления будущих устремлений к единому нормированному языку немецкой нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Типы наддиалектных форм языка / Под ред. Гухман М. М. М., 1981.
2. Функциональная стратификация языка / Под ред. Гухман М. М. М., 1985.
3. *Besch W.* Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache. Exemplarische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen // *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung* / Hrg. von Besch W., Knoop U., Putschke W., Wiegand H. E. Bd 1. 2-ter Halbband. B.; N. Y., 1983.
4. *Steger H.* Was ist eigentlich Literatursprache? // *Freiburger Universitätsblätter*. 1982. Hf. 76.

5. *Guchmann M. M.* Deutsche Sprachgeschichte und Literaturgeschichte // Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache. B.; N. Y., 1984.
6. *Гузман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С.* История немецкого литературного языка XVI—XVIII вв. М., 1984.
7. *Schützeichel R.* Die Grundlagen des wesentlichen Mitteldeutschen. Tübingen, 1961.
8. *Betz W.* Der Einfluss des Lateinischen auf den althochdeutschen Wortschatz // Der Abrogans. Heidelberg, 1936.
9. *Betz W.* Scholastik, Mystik und deutsche Sprachgeschichte // Festschrift für H. Meier. München, 1971.
10. *Betz W.* Lehnwörter und Lehnprägungen im Vor- und Frühdeutschen // Deutsche Wortgeschichte. 3. Aufl., Bd I. / Hrsg. von Maurer F. und Ripp H. B.; N. Y., 1974.
11. *Sonderegger S.* Althochdeutsch // Kurzer Grundriss der germanischen Philologie bis 1500. B., 1970.
12. *Besch W.* Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. München, 1967.
13. *Ising G.* Zur Wortgeographie spätmittelalterlicher Schriftdialekte. Teil I: / Untersuchungen // Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Sprache und Literatur. Reihe A. Beiträge zur Sprachwissenschaft. B., 1968.
14. *Guchmann M. M.* Wechselbeziehungen zwischen Dialektgebieten und die Entwicklung überdialektaler Sprachformen in der vornationalen Periode (am Beispiel germanischer Sprachen) // Existenzformen germanischer Sprachen — soziale Basis und typologische Kennzeichen. B., 1974.

Перевела в немецкого Бабенко Н. С.